

4/8-90

ЛИЧНАЯ ЖИЗНЬ

Говорят, что на недавнем эстрадном конкурсе в Ялте композитора Владимира Матецкого посетила официальная делегация граждан города Сочи. Они зачитали постановление, смысл которого сводится к следующему: за сочинение песни «В городе Сочи темные ночи» соорудить памятник Владимиру Матецкому и установить его на месте сочинского маяка... Молва, впрочем, гласит, что московский композитор с гневом отверг предложение о незаконной привилегии: даже Вагнеру не поставили памятник на Лысой горе, а ведь он сочинил «Вальпургиеву ночь»...

Правда ли, что Папа римский

любит «Лаванду»?

Есть телефонные звонки, которые невозможно предугадать.

— Прошу вас, напишите продолжение «Лаванды»! Нельзя, чтобы все так закончилось, — звонила женщина, уже немолодая. Врач по специальности, она, казалось бы, столько знает о жизни, о самой нерадостной ее стороне, но вот ушел муж, и все так безнадежно, что хочется надеяться.

Шабров и Матецкий написали. Песня называлась «Прощальный перрон». В ней они, не погрешив против правды жизни, поставили точку: разлука, навсегда. Но песня не пошла.

Может быть, для безусловного успеха эстрадной песни и не нужно, чтобы в ней правда жила, может быть, огромная аудитория ищет красивый миф?

Эстрада — благодатное поле для мифов. Актер театра и кино для нас куда как более реален — мы твердо знаем, что его можно отыскать в конкретном театре или на съемочной площадке. Концертирующий солист — он вроде бы как фантом. Только заметишь афишу, извещающую о его концерте, как ее уже срывает ветер, и кумир спешит на поезд или самолет, а за ним в неизвестные дали устремляются толпы фанатов. Мы еще не успели пожалеть о его отъезде — глядишь, он улыбается нам с экранов телевизоров, причем по всем программам сразу. Он одновременно нигде и везде.

Авторы же эстрадных песен — фигуры еще более мифические. О них знают, но их почти никогда не видят. Потому слухами-то земля и полнится.

Вот, например, такой. Говорят, что на недавнем эстрадном конкурсе в Ялте композитора Владимира Матецкого посетила официальная делегация граждан города Сочи. Они зачитали постановление, смысл которого... А впрочем, вы об этом уже прочли выше.

Песни Владимира Матецкого появились на эстраде в конце семидесятых, он сразу заявил себя как прекрасный мелодист. Матецкий был из обоймы композиторов «новой волны», противопоставивших себя музыкантам-песенникам предшествующих поколений. Тот замкнутый композиторский клан воспринял появление новых авторов очень болезненно. И хотя клан не был монолитным, его законы не позволяли протягивать руку молодым. Поэты оказались куда демократичнее. Они почувствовали веяние времени и один за другим стали отдавать свои тексты молодежи — только это и сохранило некоторую «связь времен».

Михаил Шабров, имея возможность работать с композиторами старшего поколения, был все же психологически более близок композиторам «новой волны».

Вот еще миф — о покорителе нежных сердец. Передают устный портрет Михаила Шаброва: красавец бронет, улучшенный вариант его тезки Боярского, носит кожаный плащ до полу, светлую шляпу и от поклонниц принимает только чайные розы. Он мчится по жизни на гоночном авто, презентуя ему самой Мадонной.

И Шабров, и Матецкий одинаково избегают фразы «Я написал песню», потому что считают: на успех песни работает целая команда, и чем профессиональнее эти люди, тем больше шансов сделать шлягер. Предвидеть свой успех заранее сами авторы, конечно же, не могут.

Что устраивает Шаброва в Матецком? Для Матецкого как для композитора «вначале было слово», словесный образ, который должен лечь на музыку. А что привлекает Матецкого в Шаброве? Шабров превосходно улавливает ритм иногда даже еще не написанной музыки. Однажды Шабров принес Матецкому начальные четыре строчки. Тот прочел их — и поставил кассету с сочиненной музыкой.

Текст и мелодия совпадали полностью, ритм как будто сидел в Шаброве.

Шабров и Матецкий оба москвичи. Жизнь Владимира Матецкого катилась по хорошо накатаным рельсам благополучного сына, из довольно высокопоставленной семьи: после школы — серьезный вуз, потом аспирантура. До кандидатской он, впрочем, не дошел. Путь от техники к музыке пролегал для многих ныне известных музыкантов его поколения — Макаревича, Кузьмина, Ситковецкого, Малежика... Матецкий, выросший в самом центре столицы, на Гоголевском бульваре, можно сказать, с молодых ногтей бацал на бас-

гитаре в школьном рок-ансамбле, и гитара до сих пор его любимый музыкальный инструмент, именно на ней он сочиняет песни. Как настоящий рок-мальчик, Володя знал все и всех в этой сфере жизни. С Андреем Макаревичем, например, познакомился еще в школьные годы, и с тех пор они друзья. Нет, конечно, каждый день они не перезваниваются, все-таки теперь солидные мэтры, много работы, но Матецкий твердо уверен, что на свой день рождения Макаревич его всегда позовет.

Уже в школе Матецкий начал сочинять. Недавно к нему подошел один известный рок-исполнитель К. К.: «Слушай, старик, сейчас надо так сочинять, чтоб звучало как по-английски: край — мой край. Чуешь, как красиво?». Матецкий равнодушно пожал плечами. Он такие шутки проделывал еще в 1969 году, так что для него вместо английского «край» — это проиденный этап, а он назад не оглядывается. «было, было, было и прошло» — так называется одна из их песен с Шабровым.

Теперь он ищет мостик, «мостик» между советской песней и западной музыкой. И действительно, мостик — это такой гармонический трюк, который на Западе давно широко использовался, а у нас только входит в моду. Мостик, например, есть в их песнях «Снежинка», «Караван любви», «Я скажу очень-очень».

Матецкий и Шабров пишут для многих исполнителей, но наибольший успех их песням принесла София Ротару. Кстати, и они помогли ей приобрести новый облик на эстраде. Теперь Матецкому часто заказывают музыку западные исполнители. У него хорошие контакты в западном шоу-бизнесе, за последние три года он много раз побывал за рубежом. Тем не менее сегодня, когда некоторые его коллеги спят и видят, как бы им уехать на Запад, Матецкий этого делать не собирается, он отлично понимает, что там бы спустился сразу на 150 ступеней вниз. Нет, написать там шлягер он теоретически мог бы, но строить свою жизнь, рассчитывая на это, было бы самоубийственно.

Михаил Шабров старше Владимира Матецкого. Он начинал свой путь еще в хрущевскую оттепель, когда романтические настроения молодежи вылились в целое песенное движение. Институт, где он учился, Московский педагогический, дал целую плеяду бардов — Аду Якушеву, Юрия Визбора, Вадима Егорова, Бориса Вахнюка. Вскоре после окончания института Шабров, филолог по образованию, пришел работать редактором в фирму «Мелодия», и это определило его судьбу.

У нас сложилась традиция называть авторов текстов для песен поэтами. Шабров категорически против — он не поэт вообще, а именно поэт-песенник. Это особый вид творчества — угадать словесный образ песни, не сделать его слишком

сложным для восприятия. «В нашей жизни все бывает» — простая, даже банальная строчка, но она имеет особое песенное очарование, делает песню. Шабров умеет угадать эту строчку. Для этого совсем необязательно мчаться по жизни на гоночном автомобиле, которого у Шаброва, кстати, и нет.

«Я никогда не пишу оптимистических текстов, — говорит Шабров, — ведь жизнь — грустная штука». Но неоптимистический тон Шаброва в песнях — это не модные нынче безысходность, мрак. Напротив, это мудрость понимания неизбежности потерь, философский взгляд на мир. А вообще-то в жизни он человек остроумный, веселый, ценящий дружбу, порядочность в отношениях между людьми.

Вернемся к мифологии. Рассказывают, что Шабров живет высоко в горах, на холмах, покрытых синими цветами лаванды. Каждую ночь он смотрит на звезды и предсказывает будущее. У него длинная седая борода, и стихи он пишет вначале на санскрите, а потом с трудом переводит на русский.

Сегодня самый модный костюм на эстраде — это лохмотья страдальца, которого притесняли в годы застоя. Ни Шабров, ни Матецкий этот костюм никогда на себя не примеряли. Они честно работали тогда так же, как честно работают сейчас.

Миф о духовных исканиях. Попав однажды в Италию, Матецкий сразу устремился в Ватикан, и там его приметил в толпе паломников Папа римский. «Сын мой», — сказал Иоанн Павел II, протягивая руку советскому композитору. После этого, говорят, Матецкий решил принять католичество и даже сочинил новый псалом в духе хард-рока.

Мифы другие (№№ 5, 6, 7, 8... 25 и т. д.) не приводим.

На самом деле они живут только интересами песни. Постоянный поиск новой идеи для нее — это и есть их реальность. День ото дня конкуренция на эстраде становится все более жесткой, и это прежде всего связано с новыми условиями оплаты. Чтобы не отстать от поезда, надо много работать, ведь места здесь не зарезервированы. С другой стороны, многие композиторы и поэты стремятся сегодня сами выйти на сцену, поскольку это зачастую выгоднее, чем отдавать свое произведение рядовому, скажем так, певцу. Перед Матецким сегодня тоже встала эта дилемма, и хотя его облик вполне соответствует хорошему эстрадным стандартам, его пока еще что-то удерживает от этого шага. Шабров же никогда не думал перекалцифицироваться в артисты. Но кто знает...

А что, собственно, их жизнь, помимо песни? Она обычна: «Мы живем, как все, в суете сует». При всей их склонности к самоиронии, для них — как то даже в противоречие с нашей современной дурной привычкой глядеть на мир скептически — существуют вещи, к которым они относятся всерьез: жизнь и смерть, любовь, семья, дом, дети. Даже ситуация их знакомства — момент, всегда представляемый в романтическом свете, — выглядела весьма прозаично: впервые они встретились в кабинете у редактора «Московского комсомольца». Как начинали работать вместе, какая песня была написана совместно первой — не суть важно. Главное, что тандем состоялся, состоялось психологическое совмещение двух личностей — композитора и поэта. И паспортом их тандема стала «Лаванда».

Строчки в песне часто повторяются. Повторим и мы эту строчку: «В нашей жизни все бывает». Та женщина снова позвонила Шаброву, поделилась радостью — муж к ней вернулся. Значит, в суете сует есть еще место чуду.

Татьяна МАМАЕВА,
Екатерина ФЕЗИ-ЛУГИНСКАЯ.

● Владимир Матецкий (слева) и Михаил Шабров. Фото С. Борисова.

Дорогие читатели!

Если вы решите подписаться на «ЭС» на 1991 год, запомните наш индекс — 50182.

Стоимость подписки на год — 15 р. 60 коп., на полгода — 7 р. 80 коп., на три месяца — 3 р. 90 коп.

В розничную продажу «ЭС» будет поступать в крайне ограниченном количестве.

89